

4.07.2002

Надежда Маркина

ЗОЛОТАЯ МАСКА ОДИНОЧЕСТВА

«Не знаю, чем я могу быть вам интересна. Я же даже профессионалом себя не считаю», — этими словами встречает нас Надежда Маркина, семь с лишним лет проработавшая в Театре на Малой Бронной и получившая престижнейшую «Золотую маску» за почти легендарный спектакль «Пять вечеров». Надежда Маркина при всем желании не ассоциируется с закулисными интригами, экстравагантными выходами в свет и звездной болезнью. У нее не так много друзей, и большинство — не из актерской среды. Она часто ходит в церковь и шокирует коллег по театральному цеху тем, что косметику использует только гримируясь, а в жизни предпочитает быть естественной и не менять свое лицо. Она родилась в деревне и до сих пор говорит о ней с любовью — вспоминает, как в детстве таскала с мальчишками яблоки из соседского сада, мастерски доила коров, слушала неторопливые и по-философски простые речи пастухов. Она интересна всем — и своей карьерой, как будто в какой-то момент остановившейся на взлете, и тем, что, даже будучи профессионалом, сомневается в этом. Она интересна тем, что не знает, чем она может быть интересна.

— Актрисой быть сложно?

— (Долго думает) Наверное, сложно... Честно говоря, не знаю, как ответить на этот вопрос. Когда ты работаешь в профессии, все идет как-то само по себе — одна роль, другая... Особой сложности вроде и нет. Чему-то учишься, чего-то добиваешься, где-то — осечка. Вот публичная сторона актерства — это очень трудно. По крайней мере, для меня. Публично жить вообще трудно.

— То есть вы человек не туловичный?

— Совершенно нет. И не потому что сейчас модно отвечать: «Ой, что вы, я так не люблю эти вечеринки». Нет, я по природе не туловичный человек. Люблю покой, уединение. Нужна компенсация: когда затрачиваешься актерски, эмоционально, идет отток — хочется побывать в тишине, найти равновесие, которое позволит остаться человеком. Все услышать, увидеть, чтобы не было неправильных выводов, поступков. Не зазнаваться, не ошибаться, не преувеличивать — вот что самое главное.

— Но ведь есть же, допустим, Ольга Дроздова или Дмитрий Певцов — они постоянно участвуют в тусовках, ведут шоу. Значит, они раскрывают себя и свой талант?

— Да нет! Они наоборот ведут себя правильно — ведь это часть актерства. Этим надо владеть, надо уметь быть на тусовке, привлекать внимание. А я по натуре застенчивый человек, и знаю, что очень многие актеры тоже застенчивые люди. На вечеринке им легче найти самый дальний угол и быть там самими собой, чем вести бурные бесе-

ды и позировать для журналов с бокалом в руке.

— Когда вы получили за спектакль «Пять вечеров» и премию Станиславского, и «Золотую маску» (это не считая номинации на «Турандот»), неужели не пришло нарушить уединение?

— Да я вообще вела себя неправильно. На меня тут же посыпались интервью, приглашения чуть ли не в четыре передачи одновременно. Я пришла — Швыдкой как раз начал вести свою программу. Взрослые умные люди о чем-то беседуют, и вдруг возникаю я — такая ничего не знающая, зато с премией, понимаешь ли. Чувствовала, что я не полезна. Мне легче было не согласиться на интервью, чем пытаться выдавать из себя что-то умное или забавное.

— О контрактах — хотели бы, к примеру, посниматься в Голливуде?

— Нет. Потому что глупо это, да и вообще вопрос надуманный. Я мало видела хорошего классического американского кино. Есть гораздо более талантливые страны: французское кино мне нравится — и современное, и то, что было раньше. А Голливуд что? Надо хорошо знать язык, техникой актерской владеть, еще какими-то навыками фабрики грех. Я этого не умею, у меня нет блестящих белых зубов или полного отсутствия лишнего веса. Да и вообще, для меня это чужое.

— Вы работали с мэтрами — режиссерами Анатолием Эфросом, Сергеем Женовачем; Лилией Ахеджаковой и Богданом Ступкой играли с вами в «Старосветской любви». На площадке они жесткие люди?

— Это самые приятные

встречи в моей карьере. Лия Меджидовна поразила меня: на сцене она... Не то что жадная до работы — слова неподходящие. Скорее, она работала как студентка, как актриса, только что пришедшая в театр и стремящаяся всю себя отдать первой роли. Не щадила вообще себя, и, конечно, рядом с ней тоже надо быть на уровне. Она кропотливая, дотошная, каждую деталь оттачивает. И в жизни такая же — постоянно что-то делает, помогает людям, кого-то куда-то устраивает, достает билеты, знакомит. Занятой человек, сосредоточенный. Но звездности в ней совсем нет. А жесткость... Когда человека уважаешь, на это не обращашь внимание. И вообще, актер нуждается в любви — он должен купаться в ней, и тогда, вполне возможно, в нем откроются новые грани таланта.

— С вами такое случалось?

— Однажды Анатолий Васильевич Эфрос ставил спектакль по «Мертвым душам» — очень интересный. Там, например, Коробочку играл Иван Бортник. А я была связующим звеном. И должна была петь. Эфрос видел «Живую воду», где я пела, и придумал, что похоронны символизировать будет песня — о человеке, уезжающем в другую сторону. Так неожиданно открылся во мне этот талант. Могла бы сидеть где-то под кустом и напевать себе что-то или насиживать, а благодаря режиссеру поняла — мое.

— Сейчас многие считают, что молодые актеры чересчур заносчивы и мало талантливых. Вы с этим согласны?

— Меня актер если чем и может поразить, то исключительно профессионализмом. Например, на съемках фильма «Гражданин начальник» я столкнулась с Егором

Бероевым. Играла совсем небольшую роль – ту, которую актрисы обычно терпеть не могут – матери. Егор тогда только что закончил институт, но уже был профессионалом. Или популярный сейчас Владислав Галкин. Ему было пятнадцать лет, когда снимали картину «Абориген», но он уже до того сыграл Гекльберри Финна в «Томе Сойере», и вы знаете – настолько уверенно себя чувствовал на площадке! Его даже как-то слушались все, уважали, а ведь маленький совсем еще был.

– С кем из актеров вы дружите?

– С Ириной Розановой, Еленой Матвеевой, Галиной Петровой из «Современника». Я очень хорошо отношусь к Сергею Баталову. Мы работали с ним в театре Женовача, но никогда не выходили вместе на сцену. Однажды благодаря ему я уехала на Север – поздно ночью, за три часа до вылета он позвал меня, лежавшую с температурой, заменить заболевшую актрису. Вместо четырех дней я провела там целый месяц. В результате получился сериал «Под полярной звездой». И пошло-поехало, сыграла в «Семейных тайнах», еще где-то. Сейчас вот снимаюсь у Николая Досталя в детективном сериале с рабочим названием «Стilet». Очень интересный режиссер. У него мало опыта в кино, но он такой дотошный – ему все интересно. Как у актера галстук повязан, какого цвета юбка. Казалось бы, мелочь, и не его это работа, но он все контролирует.

– Это не напрягает?

– Мне это нравится. Можно перенести, потому что знаешь, что это полезно, нужен взгляд со стороны, тем более режиссера.

– Часто приходится переснимать сцены?

– По-разному. Вот вчера я оговорилась – сделали дубль. А иногда сразу играешь идеально.

– В театре слова не забывают?

– О, бывало. В «Короле Лире», например, часто просто выпадало из памяти. И вы знаете, как ни странно, придумывались новые стихи. Причем с тем же смыслом, мало того – с рифмой! Такие моменты – самые дорогие. А иногда и

партнер забывал текст – тогда каким-нибудь одним словом подсказывала первую строчку. Если же так и не вспоминал, приходилось опять же на ходу сочинять.

– Часто на площадке или на сцене случается что-то экстремальное?

– Да, не без этого. Как-то, например, играла в спектакле «У войны не женское лицо». У меня была роль портних в эпизоде. Пришла на спектакль, как обычно, и вдруг ко мне подходит режиссер, спрашивает – вы в курсе такой-то роли? Я говорю: да. А актриса, обычно игравшая эту роль, максимум ростом 150 сантиметров, там даже по тексту есть слова «А я ростом малень-

– На улицах узнают?

– Узнают, и по сериалам, и по спектаклям даже. Я сыграла княгиню Епанчину в Достоевском, и несколько раз меня узнавали по голосу. Пришла в букинистический магазин с Сергеем Васильевичем Женовачом, искала одну книгу и спросила у продавщицы. И она вдруг: «Ой, Епанчина к нам пожаловала».

– Как стали актрисой?

– Никогда не мечтала об этом. Учились на педагога, занималась легкой атлетикой, данные были хорошие, мечтала о большом спорте, все давалось легко, без усилий. А рядом со спортивным лагерем работала театральная студия. Подру-

так всем комичная сценка понравилась.

– Считаете себя талантливой актрисой?

– (Вздыхает) Не знаю. О себе говорить неудобно, да и потом со стороны виднее. Это может доказать только работа, итог, результат. В каждом человеке есть таланты, и их надо проявить, пока живешь, – готовить, вязать, на гармошке играть – что угодно.

– Хотели бы режиссировать?

– Не знаю (равнодушно). Я если что-то хорошо делаю, то только одно. Актёрство – значит, актерство. Если мечтать об этом – то можно. Вот я, например, мечтала научиться вязать носки. Научилась

– Было такое, что пропускали собственный спектакль?

– Как-то я просто забыла, что у меня вечером игра! Гуляя со своей подругой Валей Корнеевой, зашли к ней домой попить чаю, а был уже седьмой час. Звонит Сережа Баталов (а он знал Валю, мы все дружим), спрашивает: «У тебя случайно Маркиной нет?» – «Есть» – «Дай-ка ей трубочку-то...». Я подхожу к телефону, и он шипит: «Ты что там делаешь?! У тебя же спектакль! Зрителей запускают!». А Сережа любит разыгрывать, и я сначала не поверила. Потом понимаю по его голосу – правда. У меня ужас. Играли мы тогда «Лешего», где я выхожу не сразу, минут через пятнадцать после начала. Валя дает мне денег на такси, я выскакиваю на улицу, молясь всем святым. Останавливается машина – какие-то разбитые «Жигули». Я сажусь, кричу: «Пожалуйста, на Малую Бронную. Мне театр, театр на Малой Бронной!!!» Водитель говорит спокойно так: «Садитесь, сейчас». И едет неторопливо. Мне плохо, я не знаю, как сдержаться, чтобы не выбросить его из этой машины. «Ну гоните быстрее!». И вдруг я понимаю, что он ведет машину одной рукой – другая у него «сухая». «Господи, – думаю, – да что же это такое?! Я так никогда не приеду». А сама молчу. И вдруг он поворачивается ко мне и говорит: «Вы не переживайте так, рано или поздно, но все равно же приедете». Странно, но я успокоилась. Остановились, я выскочила из машины и побежала через три ступеньки. Какой там спорт – все правила дыхания забыты. Вижу – мои стоят и смотрят на меня в окна. Машу им руками: все, я успеваю, начинайте. И спектакль задержали, но максимум минут на семь. Потом, конечно, написала объяснительную записку. Советовали – сорви чего-нибудь, но я просто и честно написала: «Забыла про спектакль».

– Вы боитесь одиночества?

– Нет. Я не боюсь одиночества. А что в нем страшного? Это такое же нормальное состояние человека, как общение или публичность. Та же жизнь – чего-то больше, чего-то меньше.

Встречалась
Николай ДРАБКИНА

Надежда МАРКИНА: «СНИМАТЬСЯ В ГОЛЛИВУДЕ? ПО-МОЕМУ, ЭТО ГЛУПО»

кая». И я не задумываясь согласилась, потому что такие ситуации – подарок для актера. Одели меня в какую-то одежду – в ее я не влезла, у меня рост 175. Слова пришло заменить. И никто ничего не заподозрил.

– Есть роли, которые очень хотелось бы сыграть?

– Наверное, Вассу Железнову, Жанну д'Арк, Марию Стюарт.

– А сериалы не считаете «мылом»?

– Считаю, конечно, но это деньги, и потом ко всему, связанному с актерской профессией, нужно относиться как к профессии. Презрения нет. Просто здесь не надо слишком напрягаться.

– Есть любимые актеры?

– Когда вот так спрашивают, почему-то резко все забываешь... Олег Борисов, Гриценко, Даль, Копелян. Из зарубежных нравится Анни Жирардо.

– Когда начинали сниматься в кино, камеры не боялись?

– Да вы что! У меня даже такое ощущение было, что она шумела – жужжала. Потом, правда, справилась.

га позвала. Я пошла... и была зачарована. Два года там прозанималась, потом приехали актеры, начали рассказывать о профессии, о вузах, и мне вдруг тоже захотелось попытаться. Поехала в Москву, в первый раз дошла до третьего тура в ГИТИС и Школе-студии МХАТ. Но не прошла. А со второго раза попала в «Шуку» и в ГИТИС. Но поскольку ГИТИС я знала больше, играла там даже за кулисами ворчащую старуху, то там и осталась.

– Сложно было исполнять творческие задания на вступительных?

– Смешное было задание по актерскому мастерству – представить, что танцуешь с воображаемым партнером. Поступала тогда и Алла Сигалова – известный теперь балетмейстер. Ну, она как стала выдавать всякие па – профессионал, и вдруг я: «Боже, – думаю, – как я-то после нее буду?» Вальсировать умею, но так примитивно... И я представила, что танцуя с маленьким лысым человеком, переминаясь, как бывает на вечерах для тех, кому за тридцать. Думала, проявлюсь. А хохот стоял страшный –

– теперь чувствую себя так, как будто «Мерседес» шестисотый пустила.

– В карьере упускали шанс?

– Конечно, очень часто. Например, в самом начале Анатолий Васильевич Эфрос предложил мне главную роль из всего курса – 40 человек! – в спектакле, а я отказалась. У меня тогда трагически погиб отец, а роль требовала долгой работы, и я взяла роль второго плана. Или иногда Эфрос спрашивал: «Кто этот отрывок сыграет?» Я очень хотела, но стеснялась. Вот, думаю, если он назовет меня, – встану и побегу через три ряда. А сама не вызывалась. И упускала возможность по настояющему учиться. Мало я училась, мало умею. До сих пор хочу чему-то научиться.

– Если бы жизнь могли прожить заново, изменили бы что-то?

– (Убежденно) Изменила бы очень многое. И не понимаю людей, которые говорят, что не изменили бы. Как же так! А на что же покаяние?! Много поступков сделано неправильных и плохих. Да что вы, многое бы изменила.

Надежда Маркина в спектакле «Пять вечеров».

